

Солженицын А

118-90

■ Мой политический
дневник

Парламентская
Россия
и Александр
Солженицын

Устаешь писать все о том же: о правительстве Рыжкова, кредит народного доверия исчерпавшем; о Президенте, пытающемся опереться на противоборствующие края и медлящем с решающим началом борьбы — на этот раз с экономическим хаосом; о кризисах, периодически потрясающих то страну, то столицу, — худо-бедно пережили хлебный, теперь прорезался мясо-яичный... Ничто не забыто: в феврале 1917 года смели империю всего трое суток бесхлебья в Петрограде.

Для политических действий снизу ситуация, к счастью, еще не созрела, но сколько еще придется ждать революции в сознании реформаторов? Парламент Союза 24 сентября отдал-таки часть своих прав Президенту. Это не случайно вызвало бурную реакцию парламента суверенной России, наметив раскол в складывавшейся и так больше на словах коалиции левых и центра. Нужно ли еще больше прав для того, чтобы и дальше издевались над экономикой, но уже при помощи останков шаталинской программы, «максимально обогащенной» декларациями из программы правительственной? Думаю, с выполнением синтетического плана не справился бы и монархический режим.

Грустно смотреть на сессию Верховного Совета СССР: бесконечное топтание на месте, вспрыскопательство, коммунистический антирыночный треп — пожинайте плоды прошлогодней лукавой подмены: нормального парламента — двухступенчатым, «выборов» — назначением в «общественных» организациях. Соответствует ли Верховный Совет изменившейся обстановке? Он все больше служит ширмой для бюрократического правления спрятавшейся за ним и Президентом бывшей партийной, а ныне государственной номенклатурной элиты, окончательно разорившей страну. Последней попыткой сообща преодолеть общие посткоммунистические бедствия, вырваться из кризиса может стать программа Шаталина, одобрить которую явно не способен ВС СССР. Суверенные республики должны бы потребовать не только отставки правительства Николая Рыжкова и создания президентского кабинета народного доверия (как это сделал парламент России), но и досрочного самороспуска союзных парламентских структур с временной передачей меньшей части полномочий (оборона, иностранные дела) Президенту и большей (экономика) — дееспособным республиканским парламентам.

На фоне нынешней великой замятни доподлинно светлое пятно — попытка А. И. Солженицына понять происходящее из своего вермонтского далека. Он выдвинул альтернативу с трудом прокладываемому страной курсу на окончательное и бесповоротное соединение с Западом, обретение европейского дома. Писатель, бичевавший обреченную западную цивилизацию, помягчал, решив построить свой мост к тем, кто считает, что нет особенного, собственного, мессианского российского пути, забил первые сваи: признал благотельность частной собственности, и на землю в том числе, и четко обозначил: империя не нужна России, Россия — империи. Но вот вывод сделал спорный: разделиться, а кто не пожелает — тех даже насильно отделить, призвав только народы Украины и Белоруссии к братскому союзу. Но можно ли, отталкивая возможные предложения соседей, рассчитывать на то, что не отбросят твою руку с предложением федерации те же украинцы, что народы автономий захотят оставаться в такой России? Нет, наше спасение сейчас только в превращении Союза, никого не удерживая, но и не отталкивая, в экономическое сообщество независимых государств на территории бывшего СССР.

Солженицын, не принимая любую партийность, предупреждает о пороках демократии. Увы, но мы ее и убогой, и усеченной не видали: пока налицо пародия на народное представительство. Вот откуда и разор, и безвластие, и анархия, шесть лет шумливой перестройки, не излечившей бедствующие города и села. Хлеба без свободы не бывает.

Притом писатель сейчас не столько оппонент рождающейся в муках европофильской России, сколько ее союзник в борьбе с имперским тоталитаризмом. Возможен продуктивный и нужный демократической России спор-диалог о будущем ее обустройстве. Ведь плана реформ, способного захватить своей обстоятельностью, и политического лидера столь же крупного со смертью А. Д. Сахарова нет пока — вот наша беда — у западников и быть не может у коммунистов... Вполне возможно, в итоге выкристаллизуется хотя бы временный — для преодоления пережитков социализма и хозяйственной разрухи — компромисс между западниками и славянофилами: на основе большего внимания первых к проблемам национально-государственным, специфически российским и отказа вторых от безумного изоляционизма, от отрицания представительной демократии и ее институтов, их однозначного размежевания с прокоммунистическими государственниками, стремящимися любой ценой сохранить империю.

Первый шаг к тому сделан Солженицыным. Будет ли ответом проект новой российской Конституции — пока не ясно, с уверенностью можно сказать лишь то, что диалог пойдет на фоне попытки прорыва к Западу: осуществление программы «500 дней» начнется независимо от слез премьера, воли жертвующего за други своя репутацией Президента и очередных колебаний парламентариев Союза. В борьбе Россия обретет право свое. И тогда можно будет вволю поговорить о России...

Михаил Соколов,
спец. корр. «Собеседника».

Солженицын - 1990 - сент. /МЗР/ - с. 2

149